

Слова, что не имеют полутона

Зоя Дякина

(Не)написанное (не) в Париже

Каждый город похож на Париж.
Если вдруг отыскалась
мансарда.
Где тихонько сидишь и паришь,
Долетая до райского сада.

Каждый город похож на Париж,
Если сыщешь перо и бумагу –
Записать то, о чем говорил
дороге из универмага.

Каждый город похож на Париж
Каждой каплей гуаши
на джинсах,
Разговором до самой зари,
Когда лишь на рассвете
ложись.

Каждый город похож на Париж.
А особенно, если не смотришь,
Как застыло в проеме двери
Одиночества Красное море...

Каждый город похож...

Я шпиону за тобой,
Город.
Здесь слова наперебой –
Горы
омоздятся, и вкрут
ветер.

Вздох свеж и поутру
жел.
На карнизе солнца луч,
Ловок.

Я натягиваю лук
Слова.
Нужно слов наворожить
Искры –
И кораблик побежит
Быстрый,
Чтобы выбросить за борт
Горе...
Я шпиону за тобой,
Город.

А все-таки бывает, что не греют
Нетленные красоты городов,
Не радуют дворцы и галереи.
А также сад, и выезд, и ландо.

Здесь небо, что ко мне
намного ближе
(В нем облака идут,
как на блесну);
Здесь солнце, что мои
ладони лижет
Лучами – стоит руки протянуть;

Здесь светятся огнями
колокольни.
Здесь свежий ветер душу
бередит.
Здесь столько узких
улочек окольных,
Что жизни не достанет обойти;

Здесь неба синева сбивает
с ног и
Ума; вода прозрачна,
как хрусталь –
Но все-таки бывает одиноко
В том месте, о котором
так мечтал.

Сообща последние новости:
город

В одиночестве горек,
Несмотря на огни,

берега, якоря,
На дворцы несмотря,
Несмотря на беспечность
извилистых улиц,
Что жужжат, точно улей.
Времена, имена и бочонок
вина –

Несмотря, в общем, на.
Словом, только решу,
что меня осенило, –
Пересохнут чернила,
И дышать посреди
ненаписанных строк

Не получится в срок,
И мое опоздавшее – вдох-
донесенье
Уплывает по Сене;
И мое неуспешное –
выдох-письмо

Не доходит само:
И когда-то давно
не явившийся поезд
Пропадает в запое;
Ну а я в неимении карандаша
Забываю дышать.

Ну о чем ты опять говоришь?
Пей вино, объявляй перекур.
Каждый город похож на Париж,
Каждый город скрывает
тоску...

Каждый город похож...

Обжигаешь дыханием
легкие день ото дня.
Если день отступил – значит,
вечер его не помнит.
С каждым днем затихает
беспомощная воркотня,
С каждым днем небеса все
темней, а друзья – безмянней.

Ночь бесстрастно черна,
и поэту режет, как нож.
Только краски иной на палитре
– попробуй найди-ка,
Если даже не помнишь,
не спишься которую ночь.
Если ждешь не Орфея,
но обыска ты, Эвридика.

Видно, будет как есть,
ибо издревле так решено,
Год пройдет или век –
все едино не видно концовки.
Заплетаются судьбы,
как косы; трещит полотно,
Из которого некто из сосланных
строчит спецовки.

Словно хлеба последний кусок,
пережевывай век,
Чтобы вновь оказаться слепой
и глухой, безоружной,
Чтобы жизнь продвигалась
вперед по тропе, по траве,
Чтобы душу твою и при обыске
не обнаружить.

Есть настоящее, прошедшее
и то,
Что будет или может
статься, если...
Но времена оставим на потом,
Ведь не бывает ничего
прелестней,

Чем в небывалом мире
проводить
Минуты и часы, недели, годы...
В том мире не останешься один,
И сам придумаешь,
что будет впереди.
И даже распланируешь погоду.

Но здесь, где каждый
час наперечет,
Ты сутки убиваешь недвижимо,
Закручивая память, как волчок,
Накручивая нервы,
как пружину.

Вращается тихонько колесо,
Скрипят скрипят
натруженные спицы.
И, выжав из души
последний сок,
Предпринимаешь
яростный бросок,
Чтоб здесь не утопиться
и не спиться.

***

Эти страницы – как своды
Старого зданья. Пойму,
Что не бывает переводу,
Как не бывает ничему,

Будто бы пальцы разжались,
Будто оборвана нить,
Будто язык обветшалый
Больше не в силах хранить

Память созвучий тончайших,
Память взметнувшихся слов...
Так же блуждают по чаше,
Так же ладонью стекло

Крепко сжимают – до крови
Не из руки – из стекла –
Там, где друг с другом
не вровень
Брякают колокола;

Там, где любая кривая –
Только намек или пасс;
Там, где звезда остывает,
Не успевая упасть.

***

Мысль, заворачивай в сторону,
как пристыжная;
В воздухе свистит,
тебя погоняя, кнуты.
...В оттепели в январе
ты меня не узнаешь.
Даже тогда. Только ты.

Но не бывает путей,
чтобы были прямее
Мысли; и все перекрестки
лежат, как кресты.
...В майском снегу ты меня
рассмотреть не сумеешь.
Даже тогда. Только ты.

Мысли звиваются в небо
свеченьем кометы,
Искры хвостом высекающей
из темноты.
...В звездах летящих меня
не успеешь заметить.
Даже тогда. Только ты.

+*

Даже в тот миг, когда станет
совсем не до сна
Миру, когда догорают города
и мосты,

Даже тогда ты меня
не сумеешь узнать.
Даже тогда. Только ты.

***

На далекой планете,
а, может быть, на астероиде,
Воздух звонок и, кажется,
вовсе не пахнет бедой.
Только жизнь разрушает все то,
что так тщателью строите:
От кирпичных домов,
и до замков воздушных, и до

Безутешных надежд,
говорящих с тобою без умолку,
Безысходных видений,
бросающих в гулкую дрожь.
А потом опускаются
наземь лиловые сумерки.
Рассыпаются так, что себя-то
в них не соберешь.

Плядя в зеркало, шепчешь: «Ну
помилосердствуй, спаси меня».
Отъезжая за крышей вослед,
не вернешься назад
На далекой планете, давно
не имеющей имени,
Цветом зелени
напоминающей чьи-то глаза,

Как иголки, колочие и,
как леса, непролазные.
Видно, надо изыскивать
где-то иные пути,
Только небо по-прежнему
горькое, светлое, ясное
На далекой планете, которую
не обойти.

Видно, выдано нам по заслугам
– с приличью горькую,
Поскользньись – и почувствуешь

горлом, как плавится наст.
Только небо по-прежнему
ясное, светлое, горькое,
Только сумерки те же,
что будут и были до нас.

Видно, выдано нам
по способностям,
только вот роли те
Никому за минуту до выхода
не предсказать
На далекой планете,
а, может быть, на астероиде,
Цветом неба случайно
напомнившим чьи-то глаза.

***

Слова, произнесенные
стократно,
Теряют соль и тягу к небесам.
Вы все это нашли бы у Сократа,
Когда бы он хоть что-то
написал.

Слова, что не имеют полутона,
Летят на ветер и уходят в ил.
Вы все это нашли бы у Платона,
Когда бы он кого-нибудь любил.

Слова, слова, слова...
Вот так-то, братцы,
Никто на них не скажет
просто: «Будь».
Вы все это нашли бы,
разобраться,
Хоть у кого-нибудь
и где-нибудь.

Вы все это нашли бы
и в Коране,
Когда бы дочитали до конца.
Куда уж проще: окажись
на грани
И попытайся не терять лица.